

Е.В. Кожемяченко (Минск, Беларусь)

ПУШКИН В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Восприятие времени неоднородно. Время – одно из самых объективных судей. В своем непрерывном движении оно отбирает, сохраняет все то, что имеет подлинную непреходящую ценность, и забывает мнимые ценности.

Имена собственные, существующие в тезаурусе культуры определенной эпохи, имеют непреходящую, вневременную ценность для общества (имена собственные мифологических, библейских, литературных персоналий, легендарных исторических и культурных деятелей, название вымышленных и реальных географических мест и др.). Узнавание читателем определенного имени собственного предполагает и знание связанного с ним прецедентного текста. Национально-культурный компонент в этом случае составляет денотативно-сигнификативную часть лексического значения слова. При этом, благодаря ассоциативно-смысловым парадигматическим и синтагматическим связям слова в тексте, имя собственное передает различные индивидуально-авторские эмоционально-оценочные представления. Например, имя Пушкина вызывает у нас следующие реалии: поэт, стихи, гений, великий, талант и т.д. Таким образом, культурный компонент имени составляет основу денотативно-сигнификативной части его значения.

Литература о А. С.Пушкине – уникальное явление. Ни одному писателю за всю историю русской литературы не было посвящено такое огромное количество художественных произведений и литературно-критических работ. Русская литература не имеет примера аналогичного по глобальности образа художника, рецептивное поле которого было бы столь широко, что каждая эпоха открывала бы его творчество заново. Причин такого внимания к личности и творчеству А. С.Пушкина достаточно много: это и необычайная притягательность яркой индивидуальности А. С. Пушкина, и трагическая судьба, и, конечно же, его прекрасное творческое наследие, без которого история русской литературы была бы совершенно иной. Его реальная жизнь обросла мифологическими

подробностями, а имя А. С. Пушкина превратилось в символ. «Пережить творения поэта, – писал В. Г. Белинский, – значит переносить, перечувствовать в душе своей все богатство, всю глубину их содержания, переболеть их болезнями, перестрадать их скорбями, переблаженствоваться их радостью, их торжеством, их надеждами. Нельзя понять поэта, не будучи некоторое время под его исключительным влиянием, не полюбив смотреть его глазами, слышать его слухом, говорить его языком» [1, с. 376]. Так как любила А. С. Пушкина Цветаева, его не любил никто.

Таким образом, заполнив собой значительную часть духовного мира Марины Цветаевой, Пушкин, естественно, вторгся и в ее поэзию. Один за другим стали появляться стихи, посвященные Пушкину.

Цветаева любила живого, а не «хрестоматийного» Пушкина. В своих ранних полудетских стихах «Встреча с Пушкиным» она говорит о своем романтическом родстве с поэтом – веселым «курчавым магом», который вполне мог бы быть спутником ее счастливых коктебельских лет. Она отстаивает «своего» Пушкина, свое право на понимание поэта. Цветаева ревниво охраняет его – даже от его реальной, сложной и противоречивой судьбы. Имя А. С. Пушкина в данном стихотворении содержит коннотативное значение «великий русский поэт», в нем Цветаева обращается к поэту не только как к признанному, общеизвестному, но и как к своему наставнику: *Я вспоминаю курчавого мага / Этих лирических мест. // Вижу его на дороге и в гроте... / Смуглую руку у лба... / – Точно стеклянная на повороте / Продребезжала арба... – / Запах – из детства – какого-то дыма / Или каких-то племён... // Очарование прежнего Крыма / Пушкинских милых времён. // Пушкин! — Ты знал бы по первому взору, / Кто у тебя на пути. // И просиял бы, и под руку в гору / Не предложил мне идти.* В этом стихотворении имя Пушкина включено в контекст имен-названий географических мест: *Очарование прежнего Крыма / Пушкинских милых времён. // Пушкин!* Для Цветаевой имя поэта неотделимо от тех мест, где он жил и от России вообще. Ей ведомы и понятны все тайны пушкинского ремесла, каждая его скобка, каждая

описки, она знает цену каждой его остроты, каждого произнесенного или записанного слова.

В стихотворении «Крестины» Цветаева вместо имени Пушкина употребляет название созданного им стихотворения «Анчар»: *...сок твоего, Анчар, / Плода в плоскодонном ковшике / Вкусила...* Слово «анчар» вызывает ассоциации с именем Пушкина, это Пушкина Цветаева называет анчаром, это он ее «крестный отец» в поэзии. Анчар не употребляется в кавычках, как название, но это и не имя нарицательное, а собственное.

По-настоящему, в полный голос, Цветаева сказала о поэте в замечательном стихотворном цикле «Стихи к Пушкину», опубликованном в юбилейном 1937 году. Они разрушают саму атмосферу и обстановку юбилея, попытки превратить образ гения в икону. Ее Пушкин — бешеный сумасшедший, выходящий из мер и границ: *Уши лопнули от вопля: / «Перед Пушкиным во фронт!» / А куда девали пекло / Губ, куда девали — бунт / Пушкинский? уст окаянство? / Пушкин — в меру пушкиньянца? («Бич жандармов, Бог студентов...»)*

Критики часто упрекали Цветаеву в излишней усложненности стиха, ставя в пример классическую, в том числе и пушкинскую, поэзию. Но она считала, что великий новатор Пушкин — ее союзник в деле обновления поэтического языка: *Пушкиным — не бейте! / Ибо бью вас — им! («Станок»)*

Межтекстовое ассоциативно-смысловое поле ключевого слова *Пушкин* в цикле Марины Цветаевой «Стихи к Пушкину» формируется на основе двух парадигм: а) *Пушкин — поэт; недурен, российский классик; Пушкин — пиит.* В поэтическом тексте реализуется стереотип восприятия А. С. Пушкина, читателем акцентируется внимание на его поэтическом таланте и вкладе в русскую культуру; б) *Африканский самовол; бич жандармов; бог студентов; желчь мужей; услада жен; нагловзорый, скалазубый; тога; схима; мера; грань...* В этом случае внимание обращается на незаурядные личностные качества поэта. Цветаевой интересен такой Пушкин, *ее Пушкин*, не вписывающийся в рамки условностей, Пушкин как живая и яркая личность. На первый план выдвигаются

уникальные ассоциации, представленные в количественном ассоциативно-смысловом поле соответствующего стимула единичными реакциями (например: *веселый, кучерявый, живой, мой*).

Воспевая Пушкина как гения и носителя гигантского духа, Марина Цветаева выступает против опошления его благородного имени теми, кто не понимает и не ценит ни самого Пушкина, ни тех творцов, которым «пределы не поставлены»: *Пушкин – тога, / Пушкин – схема, / Пушкин – мера, / Пушкин – грань; Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя / благородное как брань / Площадную – попугаи. // – Пушкин? Очень испугали!* Иконизация Пушкина вызывает у поэта бурный протест, который выражается контекстной актуализацией имплицитных сем и неэксплицированной их оппозицией. Тога – «верхняя одежда граждан в древнем Риме»; схема – «высшая монашеская степень в православной церкви». Таким образом, семемы вызывают ряд дополнительных ассоциаций, имеющих оттенки иронии и сарказма. Труднее перечислить то, что Пушкина представляют как *меру и грань* – пограничный столб, границу, за пределы которых в творчестве выходить запрещено, более того, бессмысленно треплют его *благородное имя* (положительная коннотация) – как *брань площадную* (отрицательная коннотация). В современном русском языке слова *брань* – битва, *брань* – ругань утратили семантическую связь. В «Стихах к Пушкину» эта связь восстанавливается. Марина Цветаева осуждает использование имени Пушкина как охранительного символа традиционности в поэзии, указывая на бунтарский характер его творчества. В таком контексте Марина Цветаева выступает в защиту Пушкина и против него, она «бунтует» против всяких ограничений и пределов в сфере Духа – художественного творчества. Поэт выступает против упрощенного, догматического навязывания некоторых пушкинских постулатов: *Критик – ноя, нытик – вторя: / «Где же пушкинское (взрыд) / Чувство меры?» Чувство – моря / Позабыли о гранит / Бьющегося?..* В таком индивидуально-авторском противопоставлении (*чувство меры/ чувство моря, бьющегося о гранит*) в словосочетании *чувство моря* актуализируются коннотативные признаки

«безмерность, безграничность, непокорность, мятежность». А в словосочетании *чувство меры* появляются совсем новые семы: ‘умеренность’, ‘смирение’, ‘покорность’. Более ценным для лирической героини является именно *чувство моря*, которое приобретает положительные коннотации. И даже такое мерило, такой критерий, как сам Пушкин, если «нивелируют» его безграничность и выхолащивают его бунтарскую сущность, вызывает бурный протест и рождает саркастическое *Пушкин – в меру пушкиньянца!*

Пафос неприятия и язвительной насмешки создается здесь за счет скрытого оксюморона, формирующего поэтику ассоциаций. Слово *пушкиньянец* построено по модели вольтерьянец – «вольнодумец». Вольнодумство – интеллектуальный бунт, мятеж, интеллектуальная непокорность, непримиримость. Следовательно, *Пушкин – в меру пушкиньянца* можно понимать как Пушкин – умеренный вольнодумец, мятежник в меру, смирный бунтарь. Семантика слова обогащается значениями иронии.

Для Марины Ивановны Цветаевой Пушкин был «вечным спутником», тем чистым родником, из которого черпали творческую энергию русские поэты нескольких поколений – от Лермонтова до Блока и Маяковского. Поразительно, но Цветаева считала Пушкина своим современником вопреки тому, что жила в другую эпоху, вопреки даже здравому смыслу. Силой своего воображения поэтесса в детстве создала себе живого поэта Пушкина и не отпускала его ни на шаг от своей души в течение всей жизни. С А. С. Пушкиным она постоянно сверяла свое чувство прекрасного, свое понимание поэзии.

Литература

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский. – М., 1948. – Т. III. – С. 376.